

38. ДОМ ГРЕХА

«Какое ваше любимое занятие?» – спросили меня то ли в шутку, то ли всерьез, по почте прислав анкету. Я подумал и решил отвечать искренне, то есть серьезно, учитывая, что ответ поместят в книжке. В сборнике «Шчыра, як на духу» (издательство «Книга», 2002 г.) черным по белому написано, что мое любимое занятие – «Сидеть в лесу под сосной (в лесу около родной деревни) и слушать шум вершин».

И это правда.

К сосне надо прислониться спиной. Тогда чувствуешь, как сосна отвечает ветру, плавя то влево, то вправо, как земной шар маятником раскачивается вместе с тобой, превратившимся в детальку вечного двигателя. Чтобы двигатель не остановился – замри, не мешай! Твое предназначение в том, чтобы ощутить его ритм – и восхититься слаженностью, и самому стремиться к его совершенству...

–Хто гэто у ліэсы сэдыт і ныц нэ робыт! – Мои медитации разрушил язвительный женский голос, который я узнал мгновенно: Зонище, наша соседка. На чистейшем полесском языке, не испорченном ни русским, ни белорусским, ни троянкой, она срамила мое любимое занятие: – У ліэсы трэба біэгацы – грыбы шукаты, ягоды збыраты, шыбоду грэбсты, віэныкы вьязаты, лыко драты, дрова рубаты.

–А сами-то, баба Зоня, почему с пустыми руками? – парировал я, заметив, что она в лесу без привычного для нее большого коша. Когда баба Зоня тащит домой кош, с верхом набитый грибами, женщины Горска, все, как и она, баптистки и хорошие язвы, злословят: Зонище опять по лесу прошла, как трактор, две недели грибов не будет.

–Ендыка шукаю, – с тоской сообщила баба Зоня.

–Того самого?

–Того, Толик! – Сэло обошла – нэма! У ліэсы – нэма! Пропав муой ендык! – Баба Зоня ушла от меня, не слыша шума вершин, не замечая в лесу ни красы, ни пользы.

Я понимал Зонино горе. Тот индюк был ее гордостью.

–Толик! – позвала она меня однажды со своей усадьбы. – Ходы сюды!

Я подошел к пограничному забору.

–На, подэржы! – Баба Зоня одной рукой подала на мою сторону рослого индюка, которого ухватила за крыло, не боясь сломать. Индюк не кричал, не вырывался, смиренно висел разноцветным веером. Хозяйка спросила с гордостью: – Пуд будэ?

Одной рукой, как она, я не удержал индюка, до того был тяжел. Бабу Зоню в Горске и прозвали Зонище за крупные размеры, недюжинную силу, выносливость. Индюка она откармливала три года. Столько в Горске никто индюков не держит. Зачем переводить корма, коль старый индюк не вкусный? Зонище растила индюка не ради мяса, а как помощника. Она

выпускала стаю индеек (20 штук!) за пределы усадьбы в уверенности, что под руководством опытного вожака стая не пропадет, не заблудится.

Горчаки расступались, когда по улице внушительно шествовала колонна Зониных индеек, ведомая индюком-королем. Прежде чем привести индюшачий гарем домой, король устраивал вылазки в чужие огороды. Стая бабы Зони сидела у хозяек в печенках. Избавления ради кто-то расправился с индюком-предводителем.

Я не решился указать бабе Зоне на истинную причину ее горя, чтобы не прибавлять к нему обиду на деревню. В трагической истории с индюком меня восхищает умение Зонище выжать из природы все, что возможно, а конкретно: воспитать в индюке исполнительного пастуха и переложить на его плечи-крылья свои заботы (через три года она вырастила нового короля).

Зонище покоряла природу при помощи природы. Моя соседка показала высший полет народного прагматизма, основанного на своеобразном знании природы. Не случайно еще в юности я почувствовал в Зонище уникальность.

19 июня 1965 года в Березовской районной газете «Маяк коммунизма», на первой полосе, под рубрикой «Герои трудовых будней» опубликован мой материал «Рабочая совесть». Из фотографии на меня смотрит, стеснительно улыбаясь, пятидесятилетняя соседка баба Зоня, одетая в цветастую кофту, в белом платочке, повязанном под подбородок. «Героиня» была выбрана мною, после чего согласована в парткоме хозяйства и, естественно, с редактором. Так что перед нами документ истории:

«Одна женщина – тишина. Когда женщин три-четыре (если они долго молчали и, наконец, сошлись вместе) – тишина испуганно убегает. А если – двадцать, а то и сорок!

Сейчас все они, немного усталые, стоят, опершись на тляпки, и смотрят на одну, растерянную и смущенную.

Пока я настраиваю фотоаппарат, сыплются реплики:

–Зоня! Хустку скинь!

–Правда, пусть смотрят. Ты же еще, как галка, черная.

Героинями горячих трудовых будней они все могли бы стать. Впрочем, может, и не все.

Органически слитое с человеком чувство ответственности за свой труд, высокая и такая простая рабочая совесть, как у Софьи Михайловны Козлович, есть еще не у всех. Думаете, сама Софья Михайловна знает об этих своих чувствах? Нет, не знает. Эти чувства –она сама, рабочая, человек. Честно трудиться – ее потребность, ее жизнь.

Полола. Целыми днями, с утра до вечера, пропадала на своем участке сахарной свеклы. Как и все. Все пололи свои делянки. Многие женщины обычно оставляли выполотые сорняки в междурядьях. Зачем выносить? Засохнут и так. Да нет, не засохнут. Чуть-чуть сыпанет дождик – и отскакивают свежие отростки из куч сорняков, сваленных в междурядьях.

Она выносила сорняки.

Полола и в прошлом году, и в позапрошлом. И еще раньше. Полола вместе со всеми, как все. И не так, как все. Работала так, как подсказывает совесть.

За сахарную свеклу в прошлом году получила самую высокую в Горской бригаде премию – 101 рубль.

Во время посевной бригадир посылал ее на самые ответственные работы. Знал, что лучше никто не сделает. Сеяла свеклу, эту самую, за которой сейчас ухаживает. Всю пасху сеяла.

Свекла подрастает. И сорняки подрастают, хоть и рвут их с корнем. В понедельник Софья Михайловна приступит ко второй прополке...»

Документ «развитого социализма с тяпкой» убеждает меня, что самопасущиеся индейки Зони, досаждающие деревне, не оттолкнули от нее деревенское общество. Женщины относились к Зонице доброжелательно. Не могли не оценить ее трудовую добросовестность. Не осудили за то, что работала на Пасху, ибо сами не проявляли религиозного фанатизма.

Баба Зоня была лет на десять старше моей матери. Подругами они не сделались, но соседками были в основном мирными, в трудных ситуациях помогали одна другой. Побывав по необходимости у Зони, мама говорила: «Ну, як так можно жыты! У хаты, як у хлевиэ!»

Я тоже бывал в хате бабы Зони. Как под пыткой. Вытоптаный Зонин двор до самого порога был завален зловонными кучами, оставленными индюками, гусями, курами. Не подумав отгрести их веником либо граблями, хозяйка сновала по двору, пересчитывая кучи босыми черными ногами.

Если у тебя, гость, хватало сил и ловкости дойти до порога и открыть дверь в сени, ты отшатнешься от запаха кислятины. Если тебе удалось выдержать газовую атаку и бесстрашно открыть глаза, ты увидишь на полу арсенал никогда не мытых тазов, кастрюль, чугунов, предназначенных для приготовления корма скоту и птице. Лавируя между ними, можно было попасть в хату, где к смраду сеней добавлялся застойный дух сгоревшего желтого сала, столетней овчины, несвежей одежды, непроветренной постели, гнилого лука и еще множества источников, известных лишь хозяйке.

Неаккуратность Зонице была ее нормальным состоянием, вместе с носителем выплескивалась из хаты в окружающую среду. Двор, сад, лесок, подступивший к сараю, – все покрылось отбросами бабы Зониной цивилизации. Штакетник не мог задержать ее экспансию на соседние территории. Покорение нашей усадьбы Зониной неаккуратностью усилилось, когда умерла мама.

Половину недельного летнего отпуска я посвящал уборке, выносил со своего двора мусор Зонице, складировал за сараем. Вскоре там выросла угрожающая куча. Пришлось идти к трактористу-экскаваторщику Шуре Козловичу, просить, чтобы вырыл яму. Он приехал, оценил размеры кучи, вырыл солидную траншею. Я полдня хоронил мусор. В траншее осталось много места. Зашел к бабе Зоне, сообщил, что теперь у нас есть мусорная яма.

Года через три яма заполнилась. Мусор туда выносила не только баба Зоня, но и прочие соседи. Яма превратилась в гниющую свалку, та расплзается, обретает самостоятельные ландшафтные признаки и функции, с каковыми у меня уже нет сил и смысла бороться.

Зонище пережила мою маму, умерла в почтенном возрасте, по полному обряду отпета и похоронена баптистами, но ее крупная тень бродит по исчезающему (неперспективному) Горску, по окружающим лесам и лугам, по пересушенным болотам, – и повсюду широким сильным взмахом рассеивает разбитое стекло, рваные галоши, ржавые банки, пластиковые бутылки, дырявые ведра, выкрошенные кирпичи, сломанные табуретки, обглоданные кости, колхозные плуги и сеялки, холодные печи, нежилые хаты...

Знаю, что понятие ЭКОЛОГИЯ дословно переводится как «умение вести свой дом». Но только баба Зоня мне наглядно показала, как человек менталитетом и поведением связывает воедино жилище, природу, судьбу.

Горские женщины насмеялись над уникальной неаккуратностью Зонище, не без оснований полагая, что из-за кислотности и грязи не появляются в ее хате зятья, невестки и внуки. Горские аккуратистки украшали свои хаты разноцветными вышиванками, однако прекратили подметать напротив хаты улицу, как до 1939 года их приучали поляки (в пятидесятых годах по велению мамы каждый выходной я подметал деркачом пешеходную уличную тропинку вдоль нашего забора).

Горские эстетки дряют до блеска сковороды и чугуны в кухне, но мусор из хаты выбрасывают под ближайшую яблоню либо на улицу, а не в огороженный густым плетнем смизтнык, устроенный по приказу польских властей в каждом дворе (у нас он функционировал до начала строительства коммунизма, до шестидесятых).

Горские женщины, помню, осуждали Зонище за неумную жадность к сыроежке и чернике, за варварское уничтожение грибницы и ягодника, но теперь, вижу, они сами научились рыть в лесу, как тракторы. Благо в октябре 2004 года президент объявил гриб национальным кладом, на поиск и рытье которого государство нацелило народ.

Баба Зоня выносила в ближайший лесок мусор в фартуке либо ведре, а нынче накопившийся во дворах хлам грузят на повозку или трактор, везут в лес подальше от деревни, пытаюсь спрятать от самих себя, от государства, от Бога.

Баба Зоня была честнее! Она не притворялась, не лукавила. В природе вела себя точно так, как в собственной хате. Неправомерно предъявлять ей претензии.

Человека, не понимающего, для чего на окнах необходимы красивые занавески, вряд ли умилило до слез гармония природного ландшафта. Все то в природе, что не приносило пользы, баба Зоня считала сорняком. Меня, праздно сидящего в лесу под сосной, она воспринимала бездельником, не боясь сказать мне об этом.

Зонище была верующим человеком, но так и не заметила в природе сущности Храма. Моя соседка не знала, что сама являет собой концентрированный образец человечества, для которого безумное потребление природы стало формой непрерывного греха.

Сидя под сосной в Горском лесу, я не только предаюсь сентиментальности, но и зорко посматриваю вокруг: ищу змею и гриб. Привычка с детства: прежде чем сделать шаг, убедись, не наступишь ли на змею. Окрестности Горска славились змеями, по традиции я убил их очень много, они возвращаются ко мне в кошмарных снах.

После осушения болот в сухом, замусоренном, истоптанном, изрытом лесу змею не встретишь. Грибы еще появляются, вызывая в душе восторг. Отмечу: грибы я люблю и умею собирать только в своем лесу, в чужом – мне скучно.

Как-то я очутился на Нарочи. Местный учитель Александр П. повел меня и моего приятеля за грибами, хотя мы сопротивлялись. Хотелось еще посидеть на берегу озера, наслаждаться синевой, тишиной. Александр, сорокалетний розовощекий мужик, превосходно плавал и нырял. Под воду брал с собой длинное копье с острым трехзубцем (сей рыболовецкий инструмент называл «остя»). Исчезнув в пучине на томительные две минуты, он выныривал с рыбешкой на трехзубце, победно орал, заставляя нас вздрагивать, а чаек – вспархивать от водной глади и кричать.

Что ж, пошли в грибы, как говорят белорусы. Мы, приезжие, положили в карманы целлофановые пакеты, Александр взял огромный кош, чем нас удивил: молва о массовом урожае грибов отсутствовала.

У грибников две методики: бегать за грибами и ползать за грибами. Абориген Нарочанского края учитель Александр П. использовал первую – бегал. Мы еле поспевали за ним, часто терялись. Боясь заблудиться в незнакомом лесу, аукали, Александр откликался не сразу. Когда мы, встревоженные, наконец-то слышали его голос, то удивлялись, что он успевал очутиться далеко от нас.

Грибов не видели, пакеты лежали в карманах в сложенном виде. Каково же было наше изумление, когда, отыскав в лесу Александра, мы увидели настоящие белые грибы в его коше. «Уметь надо!» – подколот нас учитель и вновь скрылся.

Накрутив в утомительном темпе новые километры по лесу, докричавшись до Александра в очередной раз, мы увидели, что его кош ... заполнен грибами. «Как ты находишь?» – «Уметь надо!» – Он смеялся с издевкой, не щадил наше охотничье самолюбие. Ведь наши пакеты были пусты, а силы – на исходе. Мы стали умолять азартного грибника вернуться домой. «Зайдем еще в одно место – и хватит», – пообещал Александр, удрал от нас.

И тут я раскусил его удачу! Просто он знал места, где растет гриб. Бегал и собирал. Все уменье. Я тоже знаю в Горском лесу такие места, где находил гриб тридцать лет назад и куда прихожу еще. Гриб не обманывает моих ожиданий, он ждет только меня, потому что я никому не рассказываю, где он

обитает. Я тихо радуюсь встрече, шепчу грибу: спасибо, что выжил среди банок и бутылок.

Может, Александр шептал то же самое каждому своему грибу? Пошептал и, наконец, соизволил позвать нас к себе. Нашли Александра сидящим на земле, возле него стоял кош, под дужку набитый отборными боровиками. Увидев наши тощие пакеты с двумя-тремя сыроежками, учитель грибного искусства обидно, на весь лес, засмеялся, повалился на землю, забился в победном хохоте...

Вернувшись из лесу, мы поторопились уехать в Минск. Не остались ночевать в большом, красиво обставленном доме Александра. Если бы остались, пришлось бы сидеть за столом, пить водку, закусывать рыбкой и грибочками, что-то говорить, и общение было бы неискренним, неестественным, обезображенным хохотом Александра, ловкого рыбака, умелого грибника. Я поспешил уйти из его гостеприимного дома с той же досадой, с какой выскакивал из хаты Зонище.

Тем же летом я узнал, что Александр П. утонул в Нарочи. Ночью ловил рыбу, нырнул, запутался в сетях... Признаюсь в грехе. Первое, что невольно пришло в голову: природа отомстила.

Чепуха, конечно. Природа не может ни любить, ни ненавидеть, ни мстить, ибо не ведает человеческих чувств. Но природа чувствует колоссальную жадность человека. Чтобы выжить, она защищается.

Природа не нарушает пределы необходимой самообороны. Ее действия по отношению к человеку законны, этичны. Белый гриб одевается в форму бледной поганки и травит рвача. Карпы, лещи, караси вступают в античеловеческий симбиоз с червями. Лес проникает на недосмотренную пашню. Неухоженное осушенное болото повторно заболачивается. Сквозь асфальт пробивается трава. Железобетонные конструкции покрываются мхом. В шахту прорывается вода. На мегаполис обрушивается ураган. Заселенные склоны гор сметает вулкан. Антропогенные ландшафты сквозь озоновые дыры грозится выжечь солнце. Обжитые побережья готовится проглотить океан. Горск, прожив два века, уходит в вечность сосново-березового шума...

Обороняясь, выживая, природа периодически очищает наш общий дом от греха, берегает себя как основу, на которой трудолюбивый человек построит более совершенный дом. Дом без греха.

2005